

САРАТОВСКИЙ ЛИСТОКЪ

Императорская Печать
79. ФЕВР. 1911

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ.

Годъ изданія 49-й.

Телефонъ конторы № 19-й.

Телефонъ редакціи № 19-й.

№ 40.

Суббота, 19-го февраля 1911 г.

№ 40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой въ Саратовъ и въ сл. Покровской:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
11 мѣсяцевъ	6 " 50 "	11 мѣсяцевъ	7 " 50 "
10 "	6 " 50 "	10 "	7 " 50 "
9 "	6 " 50 "	9 "	7 " 50 "
8 "	6 " 50 "	8 "	7 " 50 "
7 "	6 " 50 "	7 "	7 " 50 "
6 "	6 " 50 "	6 "	7 " 50 "
5 "	6 " 50 "	5 "	7 " 50 "
4 "	6 " 50 "	4 "	7 " 50 "
3 "	6 " 50 "	3 "	7 " 50 "
2 "	6 " 50 "	2 "	7 " 50 "
1 "	6 " 50 "	1 "	7 " 50 "

Подписка принимается въ конторѣ: Саратовъ; Нѣмецкая, д. Онезгорге.

Объявленія принимаются: впереди текста 20 коп. за строку петице; позади текста по 7 коп. Годовыя пользуются особой уступкой. Иногородныя объявленія принимаются по цѣнѣ 10 коп. за строку позади текста; впереди текста цѣна двойная.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи и заграничій, за исключеніемъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжскихъ губ., принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома А. и З. Метцль и Н. — Москва, Мясницкая, д. Сытова и въ его отдѣленіяхъ: въ С.-Петербургѣ — Морская 11, въ Варшавѣ — Краковское предм. 53, въ Парижѣ — 8 площадь Виржи.

Редакція для личныхъ объясненій открыта ежедневно съ 12 до 2 час., кромѣ праздничныхъ. Статьи, неудобныя къ печати, сохраняются 2 мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются; мелкія статьи не возвращаются. Статьи, поступившія въ ред. безъ обозначенія условій, считаются бесплатными.

Въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ (19-го февраля 1861—1911 гг.).

Императоръ Александръ II-й и его сподвижники по крестьянской реформѣ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Императоръ Александръ II.

Великая княгиня Елена Павловна.

Князь Влад. Алекс. Черномірскій.

Графъ Иванъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Графъ Д. А. Милютинъ.

Н. А. Милютинъ.

Императоръ Александръ II съ Августѣйшимъ семействомъ на колѣняхъ у Цесаревны Маріи Февдоровны — внучкѣ Царя-Освободителя — вѣнчавъ благополучно Царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ.

А. И. Кошелевъ.

Д. А. Ровинскій.

А. М. Унковскій.

Жъ открытію памятника Императору Александру 2-му.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ день исполнявшагося 25-лѣтія открытія въ Саратовѣ дѣйствій городского самоуправления по Положенію 16 июня 1870 года, городская Дума, въ чрезвычайномъ засѣданіи 4-го января 1896 года, заслушавъ докладъ управы о способахъ ознаменованія этой реформы, постановила: «1) Для увековѣченія памяти Великаго Преобразователя Россіи, Царя Освободителя, Императора Александра II-го, соорудить въ г. Саратовѣ памятникъ на одной изъ лучшихъ площадей на счетъ городскихъ средствъ, допустивши и добровольныя пожертвованія. 2) Поставить въ заѣздномъ засѣданіи бюстъ Императора Александра II-го для вѣчнаго воспоминанія о Творцѣ Городскаго Положенія».

Прошло около трехъ лѣтъ, пока получено было разрѣшеніе на сооруженіе памятника (въ декабрѣ 1898 года) и сборъ пожертвованій. Въ составъ комитета по сбору пожертвованій и постройкѣ памятника вошли: А. Е. Уваровъ (предсѣдатель комитета), Н. И. Селивановъ, А. А. Судовкинъ, С. И. Аносовъ, В. Ф. Накитинъ, Л. С. Лебедевъ, Я. В. Ивановъ (скончался), М. Ф. Волковъ, И. Э. Борель, Г. М. Крыловъ (скончался), Д. Е. Карнауховъ, И. И. Хватовъ, П. Г. Бестужевъ, Д. Б. Зейфертъ. Комитетомъ были разосланы взаимнаго страхованія 3 000 р., воль-возможнымъ что-либо пожертвовать 100 р., Баланда 100 р., Воскресенское уѣздное земство 2 500 р., а на памятникъ; также губернскаго и саратовскаго 100 р., Красавка, Саратов. у., Саратовское 2 000 р., балашовское 1 000 уѣздныя дворянства. Сравнительно 100 р., Салтыковка, Аткарск. у., камышинское 300 р., пос. Ду-сь горолами широко отозвались сель- 157 р., с. Переѣзъ 50 р., Выры-скія общества, кзъ бы въ подтверж-лаевка, Петр. у., 53 р., Гаахово, 50 р., г. Царицынъ 100 р., г. Кузнецкъ денеіе послыици: «Царь освободилъ, Аткарск. у., 50 р., Бзловка, Петр. у., 50 р.; царя тинское мѣщанское и Саратовское уѣздное не наши 500 р., с. Золотое 200 р., Слостуха общество 50 р. Изъ частныхъ лицъ

ви. Отускались-ли, однако, отзвы въ урны и вакого рѣда были они,—объ этомъ въ оффиціальныхъ документахъ не имѣется никакихъ слѣдовъ. Для оцѣнки проектовъ и присужденія премій было составлено жюри, подл предсѣдательствомъ гор. головы А. О. Немировскаго, съ участіемъ приглашенныхъ отъ академіи художествъ проф. А. Н. Везуа и К. М. Быковскаго,—перваго какъ специалиста по художественной части, втораго—какъ специалиста по архитектурѣ; кромѣ того, были приглашены къ участію въ жюри мѣстныхъ художественныя силы въ лицѣ Г. П. Баракки, В. В. Кювалова, В. П. Рупини, Ф. М. Куряева, инженеровъ и архитекторовъ—А. М. Салько, П. М. Зыбина, В. Л. Владыкина, В. Д. Захарова, М. А. Машинскаго, М. А. Полова, С. Н. Брюхоненко. Затѣмъ этотъ составъ специалистовъ былъ пополненъ гласными Думы и членами комитета: Л. С. Лебедевымъ, Б. А. Араповымъ, Г. Г. Дыбовымъ, В. И. Соколовымъ, Н. И. Селивановымъ, А. А. Судовкинмъ, С. И. Аносовымъ, Я. В. Ивановымъ, И. Э. Борель, Д. Е. Карнауховымъ, П. Г. Бестужевымъ, А. М. Масленниковымъ. По осмотру моделей и чертежей памятника, были намѣчены въ обсужденію только пять, подл девизами: «Заря», «Правда», «Д. М.», «Не силъ Богъ, а въ правдѣ» и «Царь освободилъ, мужичекъ не забываетъ»; всѣ же остальные проекты единогласно были признаны неудовлетворительными.

И. А. Медвѣдевъ съ дочерьюи пожертвовалъ 1.000 р. Всего пожертвованій собрано за 15 лѣтъ, включая наросшіе за этотъ періодъ проценты, около 35.000 р.; остальную сумму около 65.000 р. дополнялъ отъ себя г. Саратовъ.

Въ началѣ предполагалось поставить памятникъ на сумму не свыше 60.000 р.

Интересную страничку въ исторіи памятника представляетъ выборъ моделей и проектов. Строительный комитетъ, управа и все городское управленіе принципиально согласились соорудить памятникъ, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ-бы достоинъ того, кому онъ ставится, съ другой стороны—отвѣчалъ-бы величію событія и могъ-бы служить истиннымъ украшеніемъ города въ архитектурномъ и художественномъ отношеніяхъ. Съ этой цѣлью во всѣхъ газетахъ объявленъ былъ конкурсъ на изысканіе проектовъ памятника и были назначены преміи за лучшіе проекты,—первая премія въ 1.500 руб., вторая въ 500 руб.

По вызову городского управленія было представлено 11 проектовъ памятника подл разными девизами: «Синяя звѣзда», «Дѣвъ красныхъ звѣзды», «Ars et labor», «Dum spiro spero», «Русскій Царь», «Ярославъ», «Д. М.», «Не въ силъ Богъ, а въ правдѣ», «Правда», «Заря», «Царь освободилъ, мужичекъ не забываетъ». Модели памятниковъ были выставлены для обзоренія публики въ Радищевскомъ музѣ. Городская Дума, желая предоставить самому обществу возможность подать свой голосъ въ пользу того или иного проекта, распорядилась выставить передъ каждой моделью урны, куда опускались отзывы лицами изъ публи-

Они мнѣ время тревожное, дальнее, время насилія, дикая расправъ. Грезится родина, въ мукахъ печальная, пьяный разгулъ, жертвы праздничныхъ забавъ... Вижу я скорбныя лица, уставшія, съ дѣтства лишенные радости, сила; частія не знавшія, горе познавшія... Вижу рядъ темныхъ безвѣстныхъ могилъ Вижу поля подл снѣгами лежачія, Третья скалы, подземную мглу; слышу я пѣсни о вольной бодрости, Грину пощія рабству и злу... Что это? Души у всѣхъ просвѣтленныя, Яркая радость во взорахъ горитъ. Смѣло отчина встаетъ обновленная... Солнце любовью на землю глядитъ. Родина! Вспомнишь годину далекую, Вору великаго, яснаго дня, Вѣсть, осіяющую бездну глубокую,— И на колѣняхъ молилъ-бы тебя: Дѣтскую память храни о погибшихъ, Жизнь для тебя отдававшихъ сыновъ; Мужой своей для родимой добывшихъ счастье, свободу отъ тяжкихъ оковъ! Кленовскій.

Памятник Императору Александру II в Саратове.

(Открытие 19-го февраля 1911 года).

изводил сильное впечатлительное оригинальностью идеи, глубиной замысла и художественным исполнением. Он представлял собой фигуру всадника, с согнутыми в коленях ногами, на изможденной лошади, на врагу обрыва скалы. Фигура всадника с впалой грудью, с опущенной вниз головой; лошадь, со слуганной гривой, как-бы уперлась перед зияющей пропастью.— Все оставило впечатление не то страдания и унижения, не то великого раздумья или сомнамбулы перед опасностью.

Проф. Бенуа и Бывковский высказались против по причине этого угнетающего впечатления; гор. голова А. О. Немеровский заявил: «Такой памятник не разрешать поставить на площади». Некоторые из членов жюри, признавая, однако, за этой моделью большой художественный талант, настаивали на присуждении автору по крайней мере второй премии. Тогда один из гласных, Л. С. Лебедев, потребовал занесения в протокол имен тех членов жюри, которые позволяют себе высказаться по данному вопросу в утвердительном смысле. Гг. Коновалов, Корнфельд, Рупнин, Баракки, Попов в ответ «на угрозу» просили записать свои фамилии, как лиц, выразивших желание премировать проект под девизом «Д. М.».

Тем не менее, проект этот не был премирован. При баллотировке затмил вопрос о присуждении 1 и 2 премий—первая премия досталась проекту под девизом «Царь освободил, мужичек не забыл», вторая—проекту под девизом: «Не в силе Бог, а в правде». Уже после этого снова возникают разногласия: оба петербургские профессора заявили, что она от баллотировки отказываются, так как в состав жюри, призванном оценивать проекты с чисто художественной стороны, на 10 художников приходится 21 лицо не художников. Зять г. Рупнин, Коноваловым, Поповым, Корнфельдом и Зыбиным было подано особое мнение, в котором говорится: «...на 1-ю премию большинство голосов получал проект под девизом «Царь освободил...», 2-ю под девизом «Не в силе Бог...». При счете голосов вышла недоразумения и признано необходимым вновь перебаллотировать проекты на каждую премию отдельно.

Результат вторичной баллотировки был одинаков с первым. Оставалось для окончания конкурса вскрыть конверты под вышеуказанными девизами и объявить имена авторов премированных проектов; но вместо вскрытия конвертов, когда окончательно выяснились результаты баллотировки, кому и каков присуждена премия, председателем был вновь поставлен на обсуждение уже ршенный в положительном смысле вопрос, может ли быть допущен на конкурс проект, неизбитый сыты, а потому не подлежащий исключению из конкурса проект, которому присуждена 1-я премия, так как при нем нет сыты? Постановка такого вопроса на обсуждение жюри уничтожает все предествовавшие присуждению премии труды и постановлению жюри, с чем мы никоим образом не могли согласиться и, считая с момента присуждения премий наши обязанности, как членов жюри, выполненными и дальнейшая премия немыслима для конкурса значения, оставил зал заседаний жюри».

В жюри оставшиеся после этого 11 гласных и членов стряельного комитета, во главе с г. Немеровским, образовали свое жюри и произвели вновь баллотировку, присудив 1-ю премию проекту под девизом «Правда», 2-ю под девизом «Не в силе Бог, а в правде».

Вся эта разногласия участвовавших в жюри художников и не художников, была представлена в конце концов на усмотрение Думы, которая в заседании 4 декабря 1901 года постановила: «Признать подлежащей исполнению первую баллотировку жюри, при которой 1-я премия была присуждена проекту «Царь Освободил», а 2-я проекту «Не в силе Бог...».

Согласно этому постановлению, первая премия в 1500 р. была выдана, по вскрытию конвертов, мѣстному скульптору Н. П. Волконскому, вторая—парижскому скульптору, уроженцу Саратова, В. И. Перельману.

Однако и после этого ни одному из премированных проектов не судено было осуществиться, так как комитет остановился на мысли соорудить памятник по двум моделям: «Заря» — проф. Чижова и «Правда» г. Волнухина, взяв из первой модели статуи Императора, а из второй — pedestal. Две композиции были приглашены лично Г. Волнухина, который принял на себя его поручение и, внеся ряд поправок измѣнен в записанном виде

тета, выработав в конце концов проект, который теперь осуществляется в Саратове.

Расходы по сооружению памятника: 1) художнику С. М. Волнухину за составление проекта 26000 руб. 2) Финляндскому каменно-промышленному Обществу за мраморные работы 32000 р. 3) Заводу Виллер и Гольденбек за отливку фигур для памятника 27000 р. 4) Устройство фундамента 5000 р. 5) Александровскому училищу за художественную рѣшетку вокруг памятника 3000 р. 6) На выдчу премии 2000 р. 7) На остальные расходы по сношению с художниками и мастерами, созывъ жюри, покупку непряморозныхъ проректовъ и проч.—около 5000 р.

Великая реформа.

Увижу ль я, друзья, народ неунастный
И рабство, падшее по ману Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной

Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря!
Такихъ сильными стихами заканчивалъ 20-ти-лѣтній Пушкинъ свое известное стихотвореніе «Деревня», въ которомъ, какъ въ вершѣ, отразились и чаянія лучшихъ людей того времени, и безправное, угнетенное положеніе русскаго народа. Теперь, по прошествіи 50 лѣтъ со времени паденія въ Россіи крѣпостичества, находятъ люди, у которыхъ хватаетъ смѣлости утверждать, что у насъ не было рабства, что въ крѣпостномъ правѣ было много прекрасныхъ патриархальныхъ сторонъ, что въ большинствѣ помѣщичьи были отцами крестьянамъ и только отдельные психопаты злоупотребляли своимъ правомъ. Въ «общемъ же это былъ «золотой вѣкъ» Россіи, который больше не повторится. Но люди, своими глазами видѣвшие крѣпостное право, а въ особенности тѣ, которымъ на своей спинѣ пришлось вынести всю тяжесть его, весь поворъ безправія и порабощенія, тѣ прекрасно знаютъ, какой это былъ «золотой вѣкъ».

Въ судачкѣ черна неправой черной
И югомъ рабства клеимена,
Безбожной дести, лжи хлестворной
И всякой мерзости полна!

— вотъ какова была истинная Россія, по словамъ известнаго славянофила А. С. Хомякова.

Присмотримся къ фактамъ. Въ эпоху, близкую къ паденію крѣпостного права, юридическое положеніе крестьянъ было несомненно улучшено; законъ о воспрещеніи подавать жалобы на помѣщиковъ, изданный въ царствованіе Екатерины (въ 1767 г.), былъ смягченъ ¹⁾; помѣщикамъ воспрещалось выводить скотовъ и людей для продажи на ярмаркахъ; помѣщикамъ ставилось условіемъ, при требованіи съ крестьянъ работъ и оброковъ, наблюдать, чтобы крестьяне не претерпѣвали черезъ разоренія и чтобы «положенное закономъ число дней оставалось на исправленіе ихъ собственныхъ работъ» (ст. 1045 св. закон. т. IX изд. 1857 г.).

Это было на бумагѣ, а въ дѣйствительности помѣщики дѣлали все, что хотѣли. Жаловаться крестьяне боялись, потому что въ большинствѣ эти жалобы оканчивались ничѣмъ, свидѣтели же рассуждали въ сосаніи въ Сибирь или складывали вѣсы, если-бы они стали показывать противъ помѣщика, и потому отъ дачи показаній уклонялись. Можно привести плѣный рядъ примѣровъ, когда даже за убійства и истязанія помѣщики въ лучшихъ случаяхъ оставались по суку «въ полурѣбни». И это вполнѣ понятно: засѣдатель и исправникъ служили по суку «въ полурѣбни» и вполнѣ отъ нихъ зависѣли, а крестьяне были связаны страхомъ, прѣвѣсными, побоями, ссылками, слухомъ о собахъ, съ сѣней и отъѣзда и т. д., ибо по закону помѣщикъ пользовался судебнойотвѣтственностью. Было даже время, когда крестьяне продавали съ молотка. Въ 1792 году было разрешено, что продавать крестьянъ съ аукциона можно, но безъ употребленія молотка. Еще въ 1807 году на Уралѣ, въ армякахъ привозились скотовые люди и продавались въ роуницу.

Понятіе о «золотомъ вѣкѣ» и «святомомъ доволѣствѣ» крестьянъ можетъ дать картина, описанная во вѣщомъ произвѣдѣи ратифицированнаго генералъ-адъютанта Платонова въ 1853 г. При проѣздѣ по Могилевской и Витебской губ. онъ находилъ дѣсныя деревни, въ которыхъ нельзя было отыскать куска хлѣба; въ вѣкоторыхъ селеніяхъ ему давали хлѣба, весьма похожій на торфъ, въ другихъ показывали тщательно завернутые куски хлѣба, исключительно сохраняемые для дѣтей. По Витебской губ. хлѣба еще рѣже составлялъ обычную пищу для жителей, которые кормались грѣбами и разными сырыми веществами. И это было далеко не единичные случаи. Во время голодныхъ годовъ помѣщики крестьяне дѣлами толпами нищенствовали, а помѣщики на время смиривались, бросая крестьянъ на произволъ судьбы.

А вотъ теперь посмотримъ, каково было правовое положеніе подневольнаго крестьянства.

По судѣствію 1855 г. помѣщикъ Оренбургской губерніи, Жидовскій, оказался виновнымъ въ расхищеніи многихъ своихъ двѣвокъ; вѣкоторыя изъ нихъ ва несогласіе на преобразование назывались розгами. Онъ установилъ въ своемъ имѣніи право «сервой ночи» и повозилъ крестьянъ жениться только съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, не выполнившего этого условія, онъ отдалъ въ солдаты. То-же совершалъ помѣщикъ Стрѣльнискій, дѣло о которомъ кончилось въ 1845 до 1857 года. Онъ отнималъ жено у своихъ крестьянъ, расставлялъ двѣушекъ, изъ которыхъ имья были 12—14 лѣтъ; лѣтъ двѣочки умерли отъ насильствованія. Несмотря на подтвержденіе этихъ фактовъ крѣпостными трехъ деревень различными уѣздами, самими потерпѣвшими и мѣстными жителями осужденію, сенатъ оставилъ Стрѣльникова въ «полурѣбни» ²⁾.

Въ Саратовской губер. управляющей имѣніями гг. Кочубея, Вѣвчцкіи, кромѣ со-

«Манифестъ 19-го февраля».

«Народное образованіе».

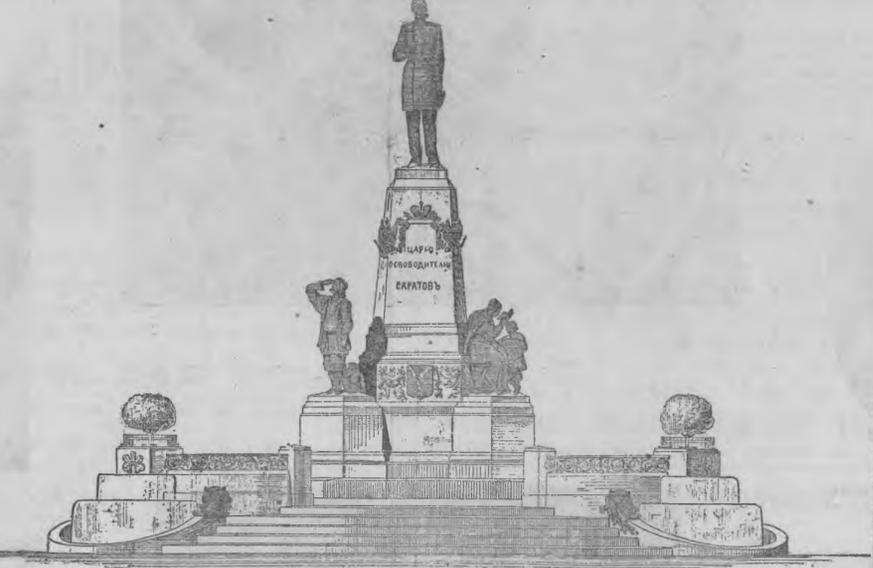
«Народное образованіе».

«Освобожденіе славянъ».

«Судъ».

Общій видъ памятника Императору Александру II въ Саратовѣ.

вращенія несчетнаго числа крестьянскихъ женъ, увезъ также до 200 крестьянскихъ двѣушекъ, причѣмъ многихъ крестьянъ отдѣлъ въ солдаты, чтобы свободные пользовались ихъ женами и сестрами ³⁾.

Одинъ помѣщикъ Ярославской губ. «вынуждалъ всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ чередоваться у него на ночныхъ дежурствѣхъ, ва ослушаніе же называлъ розгами, или на цѣпной вѣсцѣ надѣвалъ желѣзную розгаду» ⁴⁾.

Во многихъ случаяхъ положеніе крѣпостныхъ двѣушекъ было трагично еще потому, что часто ревнивая барыня со своей стороны прѣдъвозала и истязала виновную за то, что она согрѣшила съ баринимъ. Жена саратовскаго помѣщика Милова, узнавъ о сожителствѣ одной изъ крестьянскихъ со своимъ мужемъ, привала ее въ людскую, сотрѣла ей волосы, а послѣ, радѣя же, прія въ азартъ, зажала пухъ лудныхъ и около естества онакла волосомъ ⁵⁾.

На основаніи архивныхъ матеріаловъ Саратовской губ. Мордочева («Наканунъ воли») приводить цѣлый рядъ фактовъ, когда «дѣла барскаго двора и постылаго дѣла всѣхъ двѣвокъ изъ имѣнія распродалъ, не оставивши въ деревнѣ даже подросткомъ пасти гусей» (изъ жалобъ крестьянъ), когда путемъ образанія косъ, сѣчены розгами и возженіемъ по морозу босякомъ молодыхъ бабъ и двѣвокъ «позночь» требовали на барскій дворъ, отчего крестьянскія дѣти безъ матерей «отъ вѣрку въ лѣзкахъ задыхаются».

Нѣкоторыя помѣщичьи специально сдержаны цѣлыя гаремы. Встрѣчались и такіе, которые изъ разврата крѣпостныхъ двѣушекъ составляли себѣ доходъ. Гакстауенскій свидѣтельствуетъ, что публичные помѣщичьи въ Москвѣ и Петербургѣ платили помѣщичамъ оброкъ ⁶⁾.

По указанію Мордочева («Наканунъ воли», стр. 86—87), архивныя дѣла Саратовской губ. обнаруживаютъ, что «сабычнѣе крестьянъ помѣщиками являются не единичными, не исключительными преступниками услачелія развужающаго самозвѣстія, а представляются явлениемъ рядовымъ, обыкновеннымъ» ⁷⁾.

Изобрѣтательность помѣщичьей въ области наказаній съ примѣненіемъ «пыточныхъ» и «истязательныхъ» орудій была повсюду. Въ одной Саратовской губ. по архивнымъ дѣламъ видно, что въ имѣніяхъ привѣвались розги, палки, шпиртуены, «битье по зубамъ кабуковомъ», «битье по скуламъ кулаками», «бритье полуголовокъ и полубороды», «подѣшываніе за руки и за ноги на шести, «вывертываніе членовъ» посредствомъ подѣшыванія и вновь «выправываніе» вывихнутыхъ членовъ, «уточка» (связываніе рукъ и ногъ и проѣзданіе на шесть), надѣваніе «шпейныхъ жѣлѣзъ», «гонокъ кацалочъ», личной сѣтки (для вытчи голодомъ), «выпечиваніе бородъ», «внушываніе», «сажаніе въ вѣду», «ставленіе на горячую сковороду», «смаиваніе деревянныхъ колодокъ на шею», сѣчаніе «солдаными розгами» и натераніе солью по сѣвнннымъ мѣстамъ, сѣчаніе терномъ, таволомъ и крапивою, принужденіе работать съ колодеями на шеѣ и т. д., и т. д.

Мы могли бы привести тысячи примѣровъ, подтверждающихъ полное безправіе на одной сторонѣ, и необузданную, неизлужную жестокость на другой. Не думаемъ, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы на лицо носило несомнѣнные черты самаго настоящаго рабства. Не даромъ въ лучшие годы той эпохи—Пушкинъ, Хомяковъ, декабристы называли крѣпостное состояніе безъ всякихъ оговорокъ «рабствомъ» и стремились къ его уничтоженію. Подумать только, сколько талантовъ было загублено благодаря безправности русскаго народа! Но даже и тѣ, которые судили върываться въ рабскія дѣла, какъ, напр., поэтъ Шевченко или профессоръ Никитенко,—какую массу униженій и страданій пережили они, прежде чѣмъ получили волю!

Правительство не могло не считаться съ существующимъ зломъ и, начиная со времени Екатерины II, предпринимало рядъ мѣръ въ ослабленіи крѣпостного ит. Екатерина сама писала противъ крѣпостнаго права; она собирала даже специальную комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса и разрешила разработать его въ печати. Но странное дело: никогда столь не были угнетены и безправны крестьяне, какъ въ «екатерининскій славный вѣкъ», никогда столь не было рождало людей и земель равнымъ великодушіемъ, какъ въ ея царствованіе. Первой, поставившей вопросъ о крѣпостномъ правѣ во всемъ его широту (освобожденіе крестьянъ съ землей) была А. И. Радищевъ, но за свой благородный перевъ онъ поплатился каторгой.

Много лѣтъ спустя вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ вышеченъ (хотѣ и неполно) въ программу декабристовъ, возбудившихъ государственныя перевороты, но движеніе декабристовъ, какъ известно, было подавлено; главные виновные казнены, а остальные сосланы на каторгу. Позднѣе крестьянскій вопросъ ставился петрашевцами, но тоже окончился въстрѣжными работами Булалевичу Петрашевскому ставилось въ общую вину то, что онъ возбуждалъ вопросъ «объ освобожденіи крестьянъ, свободѣ инопечатанія и преобразованіи судопроизводства» ⁸⁾.

Русская литература, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, стояла на сторонѣ освобожденія крестьянъ. Правда, не условіемъ момента она не могла ставить этотъ вопросъ прямо. Но и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Гоголь, и Тургеневъ, и Григорьевичъ, а позднѣе Достоевскій (сосланный въ каторгу по дѣлу Петрашевцевъ), Шевченко, Герценъ, Чернышевскій, Некрасовъ и др., то проповѣдуя гуманитарныя идеи, то описывая отрывчательныя стороны крѣпостнаго права, то иногда прямо высказываясь за освобожденіе народа, подготовляли почву для паденія въ Россіи рабства.

Какъ-же относился къ своему положенію самъ народъ? Какъ реагировалъ онъ на свое вѣковое порабощеніе?

Народъ прежде всего былъ убѣжденъ, что земля принадлежит ему. Этотъ взглядъ народа подтверждается всѣми писателями крестьянскаго вопроса, какъ Семевскій, Бѣляевъ, Тугай-Бараневскій, Заболотскій-Достоевскій и друг. Это подтверждается и послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ участниковъ освобожденія крестьянъ членъ Государственнаго Совѣта Семеновъ Тянь-Шанскій.

Вотъ какъ формулируетъ онъ тогдашніе взгляды крестьянъ: «Мы вѣдь, а земля которая кормила нашихъ предковъ, и которой мы всегда были крѣпкіе—наша. Мы по волѣ Царя, можемъ быть или барскими, или царскими, но земля наша осталась, отъ насъ отойти не можетъ». Во вторыхъ, онъ былъ убѣренъ, что закрѣпощеніе его помѣщичьимъ—дѣло временныя и что рано или поздно онъ долженъ отъ господъ «отойти». Въ третихъ, наконецъ, народъ глубоко вѣрилъ, что провозовъ помѣщичьей покрывается начальствомъ и доходитъ до Царя, иначе крестьяне были-отъ помѣщичьей отобранны.

Вѣра крестьянъ въ то, что они должны быть освобождены, повидимому, существовала съ давняго времени. На это указываетъ, напримѣръ, пугачевскія бунты, успѣвъ въ торжѣ объясняется, главнымъ образомъ тѣмъ, что Пугачевъ общалъ крестьянъ волю отъ помѣщичьей. И послѣдѣе бы бунты, повстаніе всякихъ же-царей и другихъ происходила именно на этой почвѣ.

Означательно идея объ освобожденіи отъ крѣпостнаго права получила распространеніе и вѣршла среди народа послѣ крымскія кампанія, когда крестьяне уже съ часу на часъ ждали «воли». Указъ 3 го апрѣля 1854 года и манифестъ 14 го декабря 1854 года и 29 го января 1855 года о созымѣ ополченія были истолкованы народомъ, какъ начало воли. Убѣженіе, что написаннаго въ ополченіе получать свободу, было настолько сильнѣе, что народъ сталъ стекаться массами: в одну Москву явилось 1371 человекъ, а в Новгородской губерніи всѣ вѣчные заводчанья и погнались на ноги.

Наде сказать, что ярко подчеркнутое стремленіе народа получить свободу было далеко не платоническимъ. Военная, бунты и буйства помѣщичьей стали увеличивать се все больше и больше. Еще въ царствованіе Николая I-го они стали возрастать съ большою правдоподобіемъ. Такъ, напр., волненій было въ чтыреста лѣтъ 1826 по 1829 г. 41, съ 1830 по 1834 г. 46, а съ 1850 по 1854 года ихъ было уже 137. Стоятельства это тревожило умы знатоко до освобожденія крестьянъ. Такъ, известный закоренный консерваторъ М. П. Погодинъ писалъ Николаю I-му: «Видѣть это все мѣстнымъ революцію, которая не доставитъ только сваяи, чтобы улучшить значеніе особаго рода. Оаѣ умныя пороки; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терѣбія, берутъ ножъ въ руки и подвергаютъ за то казни и каторжной работѣ въ сибирскіи рудники, неужели не заслуживаютъ лучшей участи?» ⁹⁾.

Самъ Императоръ Николай I-й, споря ннѣ крѣпостнаго права, признавалъ однако необходимость его смягченія. Въ рѣчь депутации отъ Смоленскаго дворянства онъ говорилъ, что лишь переводъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязательные можетъ придурить «крутой переводъ». «Лучше намъ отъдѣлаться добровольно, чѣмъ допустить, чтобы насъ отняли», сказалъ Государь.

Императоръ Александръ II съ самаго вступленія на престолъ былъ озабоченъ уменьшеніемъ быта крестьянъ. Выказывая свою заботу о пероходныхъ мѣрахъ, онъ чѣмъ больше Государь выдумывалъ вопросъ и присматривался къ мысли, въ крестьянъ нужно освободить теперь-же. Въ вѣвственной рѣчи въ московскомъ дворянству въ 1856 году Александръ II совершенно определенно высказалъ, что «лучше освободить крестьянъ сверху, нежели ожидать того времени, когда они сами вынуждены освободить себя снизу». Позднѣе же самая мысль была высказана Государемъ послѣ ознакомленія съ дѣлами крѣпостнаго комитета и запиской Гакстауена по поводу которой онъ познанивъ сказать о революціи: «Я прочелъ всѣ бумаги и пользоваться пребываніемъ графа Весселева въ Кисингенѣ, чтобы, ознакомясь его съ теперешнимъ водоломъ сего дѣла, узнать его мнѣніе, чтырженное въ приложенной здѣсь запискѣ. Вы найдете также здѣсь много замѣчательную записку, принадлежачую къ Горчакову Гакстауену». И въ чтеніи всѣхъ этихъ бумагъ онъ еще больше убѣдился, какъ дѣло его трудно и сложна. Но при всемъ томъ онъ не побоялся отъ-вѣдного комитета объявить: «заключено, какъ къ сему дѣлу приступити, но откладывая оного долѣ времени предлогами въ долгій ящикъ. Гакстауенъ отдалъ мое главное опасеніе, и мы дѣло не началось само собою сваяи (курсивомъ начечатаны слова, подчеркнуты Государемъ).

Гакстауенъ находилъ «важнѣйшее», между прочимъ, сказано: «Вопросъ освобожденія, будучи специальнымъ вопросомъ Россіи, есть вѣщю и политическою, и юридическою, и самымъ важнымъ не только въ отпѣвѣ Россіи, но и всей Европы. И убѣденъ въ этомъ съ каждымъ днемъ больше, особенно съ тѣмъ поръ, какъ, дослѣвнро вѣвствую, что радикальная дѣлѣ Маевнни и братія въ Англии воззваніе теперь главную надежду свою на осуществленіе революціи въ Россіи» ¹⁰⁾.

Крымская война, показавшая воочию, при существованіи явы крѣпостнаго права въ немисмою обновленія Россіи; тревожа настроенія крестьянскаго, убѣжденного, новый Царь дастъ волю; атмосфера этой враждебности къ рабству, все болѣе болѣе убѣдливаясь въ средѣ пероходъ и просвѣщеннаго дворянства; опасеніе и пугачевщина; наконецъ, необходимость родити и подыать Россію въ экономическую и государственную смислѣ,—всѣ эти факторы съ неутомимой логикою вели въ революцію въ Россіи крѣпостное право.

По волю Государя въ концѣ 1856 года былъ утвержденъ секретный комитетъ преобразованія быта крѣпости. Комитетъ дѣйствовалъ съ 3 января 1857 по 16 февраля 1858 г.), на работы его галѣсь крайне медленно. Участвовавшій комитетъ генер.-адъютантъ Я. И. Радцевъ (впоследствии арій отменій освобожденія крестьянъ съ землей) называлъ освобожденіе крестьянъ невозможнымъ, при преміне ограничиться частными и небольшими вѣрмами,—вставлявъ Ростомъ Радцевъ въ смислѣ на дѣло предѣла секретнаго комитета вѣвнкій князь Константинъ Николаевичъ, считавшій, что освобожденіе крестьянъ безъ земли есть не освобожденіе, а изгнаніе обитавъ съ земли жила предѣла наивншихъ крестьянъ, сърѣдъ.

А. Любоуовій. «Русскіе уголовные преступель». 1887 г., стр. 330—337.

3) Шомпушевъ. «Русская Старина». Май, 1893 г.

4) Историческое крѣпостничство. «Русскій Вѣстникъ». 1877 г., кн. IV.

5) М. Радцевъ. «Наканунъ воли», стр. 15.

6) Гакстауенъ, т. I-й, стр. 201.

7) Исторія Россіи въ 19 вѣкѣ, т. 3-й, стр. 79.

8) «Вѣстникъ Европы», февраль 1848 г., стр. 43.

9) В. Яковлевъ. Жизнь и труды Погодина, т. II, стр. 145 и др.

10) «Вѣстникъ Европы», февраль 1849 г., стр. 63—65.

Проектъ памятника, составленный преподавателемъ саратовскаго рисовалянаго училища Н. П. Волконскимъ и получившій на конкурсѣ первую премію.

Мѣстные дѣятели крестьянской реформы.

Минь В. А. Шорбатов, председатель саратовскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу (впоследствии — саратовскій губернаторъ).

постной бить топоромъ, колами, дубиной и во время побой умеръ, судить помятка яко убійцу».

Но многія расправы помятниковъ сплошь и рядомъ оставались безнаказанными, такъ какъ только въ случаѣ, когда крѣпостные умирали отъ истязаній, производимыхъ ихъ господами, были прямо предусмотрѣны закономъ. Многіе старичи, бывше крѣпостные, вѣраство, помнятъ жестокія расправы управляющаго имѣньемъ ин. Кочубея, Атарскаго у., Витвицкаго. Родня, кузцы, пашки, колоды были для него слѣдующимъ обыкновеннымъ наказаніемъ; для истязаній у него существовалъ особый заставочникъ съ орудіями пытокъ. Онъ избиралъ особа на казаніи, каковы — рогатка и цѣпной стулъ. Рогатка не давала возможности прилечь, цѣпной стулъ, напротивъ, не давалъ возможности ходить, но призыванными цѣпями къ деревянному урбану, на которомъ могъ только сидѣть, а въ случаѣ жала віа ходить, долженъ былъ всю тяжесть урбана нести на себѣ. Провинившихся бою, особенно молодыхъ, не жаловали раздѣлать «сибонъ», Витвицкій требовалъ на барской дворъ, устанавливалъ ихъ въ рядъ противъ вѣтра, и заставлялъ выбрасывать впередъ долотами груди медвѣжа, съ пучкомъ сѣна. Выбывшимъ на вѣдѣтв мѣкъ сѣнъ такъ мучительно набивали въ глаза, ротъ, уши, что женщины безъ чувствъ падали на землю. Витвицкій по-

то на нѣсколько недель. Въ день пріѣзда управляющій подносилъ барину силосъ всѣхъ подростшихъ двѣдущекъ, и тотъ бралъ въ себѣ каждую дѣя на три, на четыре. Когда ванасъ истощался, онъ убѣждалъ въ другія деревни и вновь пріѣзжалъ на сабающій годъ»).

Изъ всѣхъ крѣпостныхъ печальнѣе всего было, несомнѣнно, положеніе дворянскихъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые находились для услуженія въ барскомъ домѣ. Они постоянно были на глазахъ и всего легче могли повергаться барскому гнѣву; они не только лишены были возможности имѣть свой особый домъ, но нередко имъ не позволяли жениться, и особенно горячимъ выходили замужъ. Дворянскія дѣвственныя нрѣдко дѣлались жертвою разврата господина. Дворянскіе челоыкъ Дворянскій Терешинъ, Хаалыносаго уѣзда, Ивановъ, въ 1858 году нодѣлъ жалобу губернатору и прокурору на распленіе его 10 лѣтней дочери Гзафры помятникомъ Обутыковымъ. Слѣдствиемъ жалоба подтвердилось. Имъ торы помятныки имѣли большую дворню, въ 100 и больше челоыкъ, какъ, на пр., ин. Куранинъ, Устиновъ, Панчудидевъ (саратов. губерна-

П. В. Немировичъ Данченко, бывшій депутатомъ въ Саратовскомъ губ. комитетѣ и зачлѣнъ членомъ съ дворянства въ первомъ губернск. по крест. дѣламъ присутствіи.

ранство продавало людей оптомъ и въ розницу, буквально наравнѣ со скотомъ—на площади, рынкахъ и ярмаркахъ. Иногда помятныки за борую собаку отдавали цѣлую семью крестьянъ. Пріобрѣтать рабовъ было легко и дешево.

Всѣ богатые саратовскіе купцы въ до-реформенное время владѣли крѣпостными: Обранцевъ, Волковъ (Песковский тотъ), быв. городской голова, Буракинъ, Крыловъ, Смирновъ, Ванкуровъ, Шапьевъ и многіе другіе, владѣли крѣпостными имѣнями, на пр., Зиминъ имѣлъ 9 крестьянъ съ семьями; имѣли рабовъ даже дѣвственныя вдовы, проживавшія въ Саратовѣ.—Н. П. Штэфъ, О. Штольцъ и другіе?»).

Рыночными цѣны на рабовъ были различны. Люди, обученные какому нибудь мастерству или искусству, цѣнялись всегда дороже простаго, вапрошеннаго пахаря. Красивыя, здоровыя дѣвцы дороже пожелавшихъ жениться. Саратовскій купецъ И. П. Смирновъ въ 1817 г. купилъ отъ помятника Левопова дѣвицу Анну Кузьмину за 400 р., а протѣрей сл. Трехъ Островъ, Балазовъ у. Н. Ф. Модавскій купилъ крестьянскую семью—мужа, жену и дочь—за 105 р.

Главнымъ рынкомъ, куда вывозились на продажу крѣпостные изъ Саратовской губ., была Урюпинская ярмарка, въ области Донского Войска. Одинъ сельскій священникъ, авторъ замѣчательнаго воспоминанія о бытіи помятныковъ перекъ уничтоженіемъ крѣ-

При полной беззащитности крѣпостныхъ отъ помятныковъ, имъ приходилось нрѣдко спасаться бѣгствомъ отъ своей доли, и они бѣжали въ Приуральскій край, Астрахань, въ Новороссію, на Кавказъ. Въ 20 къ и 30 къ годахъ прошлаго вѣка среди помятнычыхъ крестьянъ Саратовской губ. происходило сильное движеніе, вырвавшееся въ массѣхъ пообгахъ, въ различныя возмевія, порою доходившихъ до убійства помятныковъ. Отъ Нарышкина изъ слоб. Ворониной, Балашовскаго у., бѣжали на Кавказъ почти всѣ крестьяне, но часть ихъ была геролована Изъ Балашовскаго же уѣзда крестьяне бѣжали отъ помятныка Лавова (изъ с. Выбыевскіи), Колычева, Варатынскаго, Вилландъ, Воде; изъ Цариннскаго у отъ Градонискаго (въ Бессарабіи), бѣжали отъ Грца Орлова Денисова (25 семіи) и многыхъ другыхъ¹⁰⁾. Для помятнычыхъ крестьянъ въ важной части Саратовской губ. была устроена даже коронарная линія, объявлена была награда за помятнычыхъ, но ничто не удерживало крестьянъ, побѣги продолжались. Правительство въ связи съ волненіями крестьянъ, рѣшило, наконецъ, двинуть въ Саратовскую губернію военную силу.

И. И. Панфиловъ, председатель атварской земской управы. Въ 1861 г. былъ въ числѣ первыхъ крѣпостныхъ писарей въ Московской губ.

«Происхожу изъ потомственныхъ дворянъ Симбирской губерніи. Родился 28 августа 1844 года въ г. Казани. Воспитывался во 2-й казанской гимназій, а по окончаніи въ 1864 году курса въ казанскомъ университетѣ, по юридическому факультету, началъ въ томъ же году учиться въ Петербургскомъ университетѣ. По окончании курса въ Петербургскомъ университетѣ въ 1867 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1868 году перешелъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1870 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1871 году перешелъ въ Берлинскій университетъ. По окончаніи курса въ Берлинскомъ университетѣ въ 1873 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1874 году перешелъ въ Грацскій университетъ. По окончаніи курса въ Грацскомъ университетѣ въ 1876 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1877 году перешелъ въ Венский университетъ. По окончаніи курса въ Венскомъ университетѣ въ 1879 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1880 году перешелъ въ Прагскій университетъ. По окончаніи курса въ Прагскомъ университетѣ въ 1882 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1883 году перешелъ въ Брестскій университетъ. По окончаніи курса въ Брестскомъ университетѣ въ 1885 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1886 году перешелъ въ Варшавскій университетъ. По окончаніи курса въ Варшавскомъ университетѣ въ 1888 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1889 году перешелъ въ Петербургскій университетъ. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1892 году перешелъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1894 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1895 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1897 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1898 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1900 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1901 году перешелъ въ Казанскій университетъ. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ въ 1903 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1904 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1906 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1907 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1909 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1910 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1912 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1913 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1915 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1916 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1918 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1919 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1921 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1922 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1924 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1925 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1927 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1928 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1930 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1931 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1933 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1934 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1936 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1937 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1939 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1940 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1942 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1943 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1945 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1946 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1948 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1949 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1951 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1952 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1954 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1955 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1957 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1958 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1960 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1961 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1963 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1964 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1966 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1967 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1969 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1970 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1972 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1973 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1975 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1976 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1978 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1979 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1981 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1982 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1984 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1985 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1987 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1988 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1990 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1991 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1993 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1994 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1996 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1997 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1999 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2000 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2002 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2003 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2005 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2006 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2008 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2009 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2011 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2012 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2014 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2015 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2017 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2018 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2020 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2021 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2023 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2024 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2026 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2027 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2029 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2030 году перешелъ въ Саратовскій университетъ.

В. А. Шомпулевъ, служившій по выборамъ во время проведенія крестьянской и другихъ реформъ въ Саратовской губерніи (см. текстъ).

что, извасивавъ красивыхъ дѣвицъ, своихъ крѣпостныхъ, онъ отравлялъ ихъ пося въ Саратовѣ, Пензѣ, Москвѣ зарабатывая несчастнымъ трудомъ деньги съ условіемъ, чтобы платилъ ему по 100 и 200 руб. въ годъ оброча.

Основою причиною всѣхъ волненій была, конечно, невыносимая гать помятнычезъ тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ними жили дворянскіе и государственные крестьяне, находившіяся въ совершенно иномъ положеніи.

Понятно, что всякій смухъ о близкомъ освобожденіи или даже объ ограниченіи помятнычезъ власти встрѣчался крестьянами съ радостью и довѣріемъ и вызывалъ среди нихъ волненіе въ болѣе или меньшей степени.

В. Юрьевъ.

Борисъ Александровичъ Араповъ.

«Происхожу изъ потомственныхъ дворянъ Симбирской губерніи. Родился 28 августа 1844 года въ г. Казани. Воспитывался во 2-й казанской гимназій, а по окончаніи въ 1864 году курса въ казанскомъ университетѣ, по юридическому факультету, началъ въ томъ же году учиться въ Петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ въ 1867 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1868 году перешелъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1870 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1871 году перешелъ въ Берлинскій университетъ. По окончаніи курса въ Берлинскомъ университетѣ въ 1873 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1874 году перешелъ въ Грацскій университетъ. По окончаніи курса въ Грацскомъ университетѣ въ 1876 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1877 году перешелъ въ Венский университетъ. По окончаніи курса въ Венскомъ университетѣ въ 1879 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1880 году перешелъ въ Прагскій университетъ. По окончаніи курса въ Прагскомъ университетѣ въ 1882 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1883 году перешелъ въ Брестскій университетъ. По окончаніи курса въ Брестскомъ университетѣ въ 1885 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1886 году перешелъ въ Варшавскій университетъ. По окончаніи курса въ Варшавскомъ университетѣ въ 1888 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1889 году перешелъ въ Петербургскій университетъ. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1892 году перешелъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1894 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1895 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1897 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1898 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1900 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1901 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1903 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1904 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1906 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1907 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1909 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1910 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1912 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1913 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1915 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1916 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1918 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1919 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1921 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1922 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1924 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1925 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1927 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1928 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1930 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1931 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1933 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1934 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1936 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1937 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1939 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1940 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1942 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1943 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1945 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1946 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1948 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1949 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1951 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1952 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1954 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1955 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1957 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1958 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1960 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1961 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1963 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1964 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1966 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1967 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1969 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1970 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1972 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1973 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1975 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1976 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1978 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1979 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1981 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1982 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1984 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1985 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1987 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1988 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1990 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1991 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1993 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1994 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 1996 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 1997 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 1999 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2000 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2002 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2003 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2005 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2006 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2008 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2009 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2011 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2012 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2014 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2015 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2017 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2018 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2020 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2021 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2023 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2024 году перешелъ въ Пензенскій университетъ. По окончаніи курса въ Пензенскомъ университетѣ въ 2026 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2027 году перешелъ въ Саратовскій университетъ. По окончаніи курса въ Саратовскомъ университетѣ въ 2029 году, пожелавъ продолжать ученіе въ юридическомъ факультетѣ, въ 2030 году перешелъ въ Пензенскій университетъ.»

Викторъ Антоновичъ Шомпулевъ.

Служилъ въ 40 къ годахъ на Кавказѣ и, будучи тяжело раненымъ, вышолъ въ отставку въ мѣ 1853 года съ мундиромъ и пенсіей Златыхъ съ 14 декабря 1860 года началъ службу по выборамъ губернатора Саратовскаго и, продолжая ее до 1876 года, послѣднее тридцать летъ состоялъ въ должности губернскаго предводителя. В. А. Шомпулеву пришлось быть непосредственнымъ участникомъ по проведенію всѣхъ реформъ царствования Александра II го, такъ какъ условныя предводители состояли предсѣдателями комиссій по проведенію въ дѣйствіе положеній какъ крестьянской, такъ и другихъ реформъ. При этомъ на долю В. А. Шомпулеву пришлось также съ 8-го іюля 1866 по 25-е января 1868 года, испривая дожить до губернскаго предводителя, предсѣдательствовать въ особой правительственной комиссіи по перемѣнѣ Высочайше утвержденного 1839 г. Положенія о доходахъ раскольниковъ города Саратова. Кроме этого, В. А. Шомпулеву не одно тридцать летъ служилъ предсѣдательскимъ земской управы и предсѣдательскимъ съѣзда мировыхъ судей.

Всегда-же введенъ были земские начальники, то В. А. Шомпулеву и въ этой должности прослужилъ 11 лѣтъ и въ 1903 году удостоился получить большой орденъ Императора Николая Александровича съ собственноручною надписью, въ которой Государь благодарилъ за долготѣлющую доблестную службу предводителя дворянства и земскаго начальнаго, а въ 1904 году Его Величество пожаловало В. А. Шомпулеву орденомъ Владиміра 3-й степени, вручивъ ему орденскаго креста собственноручно.

Внѣшнъ В. А. Шомпулеву, какъ стараго помятныка, о реформѣхъ въ Саратовской губерніи были помятны въ «Русской Старинѣ» лѣтъ десять назадъ.

Крѣпостные артисты.

«Театръ и Искусствѣ» помятны статья Н. Негорова о крѣпостномъ театрѣ, изъ которой вымствуемъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ положеніе артиста въ крѣпостное время крѣпостного права. Артистка Лыкова преврела графу Волкостейну билетъ на своей бенефисъ-да господской столъ артистъ въ тѣ поры не жажали. За разговоромъ Шипкивъ узналъ, что артистъ Архипевъ проигрался въ карты д-го-гла, силитъ безъ платы и верстатѣ, по юридическому факультету,

«Его оркестръ былъ другимъ пунктомъ тишедѣна моего отца; почти каждый дворовый помимо своего ремесла состоялъ еще басомъ или квартетомъ въ оркестрѣ. Настройщикъ Макаръ, оу-же помятныкъ дворчскаго, игралъ также на флейтѣ. Цортъ ѳ Андрей игралъ на волторѣ. Обязанность киндтера былъ ввѣнать бытъ въ барашки. Но снъ такъ усердно ввѣнать, что оулащать всѣхъ. Тогда ему купили чудовищную трубу въ надеждѣ, что, бытъ можетъ, легкими онъ не будетъ въ состоянии пронзывать ткой шумъ, какъ руками. Но когда и въ надеждѣ не оправдалась, то его сдѣла въ солдаты. Что-же касается рабочаго Тикова, то, помимо беззачинныхъ обязанностей въ домѣ, въ роли ламповика полотора или выдѣльного дѣла, онъ еще безъ полнаго помага въ оркестрѣ сегодня на тромбонѣ, завтра на киндтѣ, а на то и еще ввѣнать оулащать Французъ Passerens разказываетъ помятныкъ В..»

«Его повара, его лакеи, ковохъ дѣлалъ въ случаѣ необходимости музыкантми, столярими, сапожниками и т. д., его личныя и служилыя актрисами, золоторѣшными и проч. Онъ въ одно и то же время его вложники, кормилцы и наемны дѣвцы, рожившииъ имъ отъ барина. Я ча то присутствовалъ при его театральныхъ представленіяхъ. Г. В., въ время представленій, въ халатѣ и ботинкомъ колпакъ величественно прогуливался между кудами, подбаливая оловыми и жестами своихъ крѣпостныхъ актрисъ. Однажды, во время представлѣня «Дядюны», господину не повривали игра главнаго артиста; онъ въбжалъ оловны и отсвѣтилъ въсполову оловную стасную Дидювъ, въричавъ: «А горриль, что помяо тебя на этомъ! Покорно представленіа отпавляйся на конюшн».

«Тотъ оркестръ былъ другимъ пунктомъ тишедѣна моего отца; почти каждый дворовый помимо своего ремесла состоялъ еще басомъ или квартетомъ въ оркестрѣ. Настройщикъ Макаръ, оу-же помятныкъ дворчскаго, игралъ также на флейтѣ. Цортъ ѳ Андрей игралъ на волторѣ. Обязанность киндтера былъ ввѣнать бытъ въ барашки. Но снъ такъ усердно ввѣнать, что оулащать всѣхъ. Тогда ему купили чудовищную трубу въ надеждѣ, что, бытъ можетъ, легкими онъ не будетъ въ состоянии пронзывать ткой шумъ, какъ руками. Но когда и въ надеждѣ не оправдалась, то его сдѣла въ солдаты. Что-же касается рабочаго Тикова, то, помимо беззачинныхъ обязанностей въ домѣ, въ роли ламповика полотора или выдѣльного дѣла, онъ еще безъ полнаго помага въ оркестрѣ сегодня на тромбонѣ, завтра на киндтѣ, а на то и еще ввѣнать оулащать Французъ Passerens разказываетъ помятныкъ В..»

«Его повара, его лакеи, ковохъ дѣлалъ въ случаѣ необходимости музыкантми, столярими, сапожниками и т. д., его личныя и служилыя актрисами, золоторѣшными и проч. Онъ въ одно и то же время его вложники, кормилцы и наемны дѣвцы, рожившииъ имъ отъ барина. Я ча то присутствовалъ при его театральныхъ представленіяхъ. Г. В., въ время представленій, въ халатѣ и ботинкомъ колпакъ величественно прогуливался между кудами, подбаливая оловыми и жестами своихъ крѣпостныхъ актрисъ. Однажды, во время представлѣня «Дядюны», господину не повривали игра главнаго артиста; онъ въбжалъ оловны и отсвѣтилъ въсполову оловную стасную Дидювъ, въричавъ: «А горриль, что помяо тебя на этомъ! Покорно представленіа отпавляйся